

СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Философия истории. Истоки. Цели. Осмысление

Поздравляем с юбилеем!

Дорогая Ирина Николаевна!

Редколлегия и редакция журнала «Философские науки» поздравляют Вас с юбилеем и желают здоровья, счастья и долгих лет плодотворной творческой деятельности!

Историософские истоки и смыслы отечественной философии истории

И.Н. Сиземская

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-7-23

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье анализируются социокультурные и теоретические истоки отечественной философии истории, определившие ее развитие в качестве особой области философского знания. По времени этот процесс совпадает со второй половиной XIX в., временем, значимым фактором которого стал раскол внутри культурно-духовного единства российского общества, возникший на волне реформ Александра II, связанных с отменой крепостного права. Автор ограничивает рассмотрение темы этим временным периодом, ставшим временем разработки проблематики, определившей предмет философии истории. По мнению автора, в него вошли: 1) исторический процесс в его общечеловеческих измерениях и движении «прошлое – настоящее – будущее», 2) жизнь общества в исторически конкретных формах организации человеческого общежития, 3) историческая эпистемология. В статье показано, почему сформировавшаяся в этом проблемном поле философия истории утверждалась в общественном сознании и интеллектуальном контексте как *историософия*, т.е. знание о духовных смыслах, начале и конце истории. Определившаяся философско-историческая парадигма исключала противопоставление, с одной стороны, философского знания исторической науке, а с другой стороны, филосо-

фии истории социальной философии. В качестве основных идей этого этапа развития отечественной философии истории автором рассматриваются идея целостности исторического бытия как «органической жизни» (Грановский) и идея вариативности исторического процесса, интерпретируемая как постоянная склонность истории к «растрепанной импровизации» (Герцен). В этих исследовательских рамках отдельное внимание автор обращает на разработку концептов «переходная форма» и «хаос», фиксирующих ускорение поступательного движения истории и возможность *активно-ответственного участия* в ней отдельного человека и масс. Внимание к этой проблематике, как показано в статье, включало в онтологическое основание исторического процесса духовно-нравственную составляющую, а в понятийный аппарат философско-исторического знания – понятия необходимости и случайности, свободы и насилия, революции и эволюции. В итоге в рамках философии истории утверждались, одновременно с метафизическими, принципы конкретно-исторического и аксиологического анализа. Такой подход к рассмотрению исторического процесса сохранил эвристический потенциал до наших дней.

Ключевые слова: исторический процесс, историческое знание, философия истории, историософия, философско-историческая парадигма, «органическая жизнь», «переходные формы», вариативность истории, хаос, социальная философия.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

sizemskaya@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

Цитирование: Сиземская И.Н. (2018) Историософские истоки и смыслы отечественной философии истории // Философские науки. 2018. № 7. С. 7–23.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-7-23

Historiosophical Sources and Meanings of the Russian Philosophy of History

I.N. Sizemskaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-7-23

Original Research Paper

Summary

The article analyzes the socio-cultural and theoretical origins of the Russian philosophy of history. These origins determined the development of the philosophy of history as a special field of philosophical knowledge. This process took place in the second half of the 19th century, a significant factor of which was the split within the cultural and spiritual unity of Russian society on the wave of Alexander II's reforms associated with the abolition of serfdom. In this period the subject-matter of the philosophy of history was defined. In the author's opinion, the subject-matter of the philosophy of history includes: 1) the historical process in its universal human dimensions and in "past – present – future" movement, 2) the life of society in historically concrete forms of the organization of human community, 3) historical epistemology. The article shows why the philosophy of history, formed in this research field, was established in the public consciousness and intellectual context as *historiosophy*, i.e. knowledge of spiritual senses, the beginning and end of history. This philosophical-historical paradigm excluded the oppositions, on the one hand, between philosophical knowledge and historical science and, on the other hand, between the philosophy of the history and social philosophy. As the main ideas of the Russian philosophy of history during that period, the author considers the idea of the integrity of historical existence as an "organic life" (Granovsky) and the idea of the variability of the historical process, interpreted as the constant inclination of history to "permanent improvisation" (Herzen). The author pays special attention to the development of the concepts of "transitional form" and "chaos," which provide the acceleration of the progressive movement of history and the possibility of an *active and responsible participation* of an individual and masses in it. The attention to this problem introduced the spiritual and moral component into the ontological basis of the historical process as well as the concept of necessity and chance, freedom and violence, revolution and evolution into the conceptual apparatus of philosophical and historical knowledge. As a result, simultaneously with the metaphysical principles, the principles of concrete historical and axiological analysis were integrated into the methodology of the philosophy of history. This approach to the analysis of the historical process has preserved its heuristic potential to the present day.

Keywords: historical process, historical knowledge, philosophy of history, *historiosophy*, philosophical and historical paradigm, "organic life", "transitional forms", variability of history, chaos, social philosophy.

Irina Sizemskaya – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science.

sizemskaya@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

Citation: Sizemskaya I.N. (2018) Historiosophical Sources and Meanings of the Russian Philosophy of History. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 7–23.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-7-23

Ход истории – это не только процесс,
но и цель истории, ее смысл.

Н.А. Бердяев

Россия – страна европейская, которая
не вырабатывает неведомых миру начал,
а развивается, как и другие, под влиянием
сил, владычествующих в новом
человечестве.

Б.Н. Чичерин

Введение

Развитие философского знания не детерминировано жестко политическими и социокультурными трансформациями. Тем больший интерес представляет процесс становления в его рамках тех предметных областей, которые были непосредственным ответом на вызовы своего времени и несли в себе симметрию взаимозависимости знания и разнообразных организационных форм общественной жизни. Именно к такой предметной области философии относится отечественная философия истории. Обращение к становлению последней в качестве самостоятельной области философского знания позволяет понять, в каком направлении менялся ее предмет и проблемное поле в связи с переменами, происходившими в политической, экономической и культурной жизни человека на уровне его индивидуального и общественного бытия, и почему складывавшаяся под влиянием этих перемен культурно-интеллектуальная ситуация активизировала интерес общественно-философской мысли к вопросам о месте и роли России в европейской истории, а в общественном сознании укоренилась идея о культурном призвании России служить звеном между «Западом – веком минувшим» и «Востоком – веком настоящим». В этом философско-историческом контексте концептуально оформилась мысль о роли «личностного начала» в истории человечества и отдельных народов и о том, что личность, создающая свое «историческое достоинство» (К.Д. Кавелин),

является необходимым условием движения человечества по восходящему цивилизационному вектору. Важно, что проблемы, разработанные в таком методологическом ключе, вводили в анализ исторического процесса тему духовно-ценностных смыслов истории. Как справедливо замечает С.С. Неретина, «в противовес законам истории, выведенным наподобие физических, возникли идеи, акцентирующие ее уникальность и феноменальность» [Неретина 2018, 350]. Это включало историю в состав всеобщего знания, а проблему исторического бытия делало философской проблемой.

Философия и история:

социокультурные и гносеологические истоки сближения

Понятие «философия истории», включенное в сферу европейского философского знания в XVIII в. исследованиями Вико, Монтескье, Кондорсе, Гердера, в России вошло в научный обиход лишь в 20-х гг. XIX в. Почему именно в это время идеи философии истории оказались востребованными общественной мыслью, какая политическая и социально-культурная ситуация инициировала интерес к этой сфере философского знания? В целом ситуация хорошо известна: подавление восстания декабристов (1825) Николаем I и его восшествие на императорский престол, не оставлявшее никаких надежд на сохранение тех, пусть и небольших, демократических «подвижек» в общественной жизни, которые произошли в царствование Александра I. Ее развитие, что подтвердил ход истории, все быстрее приближало российское общество к разрушению духовно-культурного единства, на котором до сих пор покоилась жизнь общества и жизнь отдельного человека. Явственно обозначился раскол внутри общественного сознания на официальное, поддерживающее власть, и оппозиционное, утверждавшее социальную критику, формулировавшее направления философской рефлексии. Но главное, с конца 20-х гг. раскол становится фактом национальной культуры. В самой общей форме он нашел выражение в том, что традиционная культура потеряла прежнее господствующее место, а новая, либерально-демократическая, с ее гуманистическими и духовно-нравственными смыслами еще не заняла всю культурную нишу. Российское общество, если использовать термин А.С. Ахиезера, «застрыло» на этом переходе, оказавшись лицом к лицу с цивилизационным кризисом [Ахиезер 2006, 342]. На этом

фоне вновь ключевым стал сакраментальный для России вопрос «Кто мы?» – вопрос, никогда не волновавший европейцев, четко знавших свои цивилизационные и культурные истоки, но всегда болезненно переживаемый Россией в кризисные ситуации войны, смуты, революции, кардинальных политических и социальных трансформаций. Бердяев писал: «Есть два преобразующих мифа, которые могут стать динамическими в жизни народа, – миф о происхождении и миф о конце» [Бердяев 1990, 243]. Для России именно миф о происхождении стал таковым, т.е. инициирующим динамику общественной жизни. Можно сказать, что он вошел в плоть российского национального самосознания и оставил заметный отпечаток на отечественном способе философствования. Конечно, Россия, как и Европа, помнила о своих истоках, не забывая о принятии христианства от Византии. Но это были другие, отличные от более предпочтительных европейских, истоки, и к тому же Новое время с его идеями Просвещения внесло в их осознание свои коррективы. На фоне победных настроений после войны 1812 г. и расширившихся культурных контактов с Европой вопрос «Кто мы?» дополнился вопросом «Куда мы идем?». Теперь эти два вопроса во взаимной дополнительности и социально-культурной сопряженности будут оказывать влияние на философскую мысль весь XIX в., да и позже.

Выявившийся у образованной части российского общества интерес к философии истории лег на благоприятную почву. *Во-первых*, в это время отечественная философская мысль развивалась под заметным влиянием философии Канта, Фихте, Гегеля, Шеллинга, переводы которых были известны интеллектуальной российской элите. Немецкая философия не без основания была воспринята как знание, способное ответить на волновавшие вопросы о политической свободе, гражданском обществе, законности, социальной справедливости, смысле жизни, духовных основаниях исторического движения человечества, и, самое главное, она обращалась к идеям, позволявшим соединить воедино прошлое и настоящее своей страны, собственную историю с историей человечества (для общественного сознания того времени – с европейской историей). *Во-вторых*, интерес к философии истории с ее интенцией к рефлексии на тему человека, его жизни в истории и общечеловеческих оснований исторического бытия был созвучен проблематике, которая еще с истоков отечественной духовной культуры была включена в структуру националь-

ного сознания и общественной мысли. Говоря об этих истоках Н.А. Бердяев писал: «Русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба... Может ли Россия пойти своим особым путем, не повторяя всех этапов европейской истории» [Бердяев 1990, 71]. Эта тема вольно или невольно обращала к идеям, увязывающим воедино прошлое, настоящее и будущее страны. И, наконец, *в-третьих*, и это, пожалуй, самое главное: историческое знание к этому времени накопило огромный эмпирический материал, требовавший обобщения и объяснения. Такой материал давали «История Российская» В.Н. Татищева, «Древняя российская история» М.В. Ломоносова, «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Материал фокусировал интерес историков на поисках всеобщих начал истории, общей логики исторического процесса и в этой связи на необходимости контактов с другими социальными науками и прежде всего с философией. У философии и истории появились общие вопросы, а достаточно быстро – и общее проблемное поле.

В этой связи отдельно следует сказать о Н.М. Карамзине. В контексте рассматриваемой проблемы его «История государства Российского» может быть оценена как *первый опыт обращения к философско-историческому осмыслению истории*. Он сделал первую попытку представить Россию в непрерывном *потоке перемен*, соединить исторические события внутренними взаимосвязями. И это было важным шагом на пути сближения философии и истории [Кара-Мурза, Шарова, Яковлева (ред.) 2016]. Через некоторое время такой подход станет исходным для философско-исторических построений. Не менее креативным оказался и другой принцип, реализованный Карамзиным, а именно: историк не может и не должен оставаться безучастным наблюдателем. Он должен вносить в хронологию событий «*начала ответственной совести*». Позже этот принцип обратит историческое знание к эпистемологической проблематике. Но говоря о научных заслугах Карамзина-историка, следует все-таки признать, что и он не был готов к обобщению огромного исторического материала *в модусе объяснения*. Как писал позже В.О. Ключевский, Карамзин, выстраивая ход российской истории, «не объяснил и не обобщил, а *живописал*» ее. Правда, иначе в его время и не могло быть, потому что отечественной исторической науке не была известна

разработанная в Европе мысль об общих законах истории, и тем более эта мысль не обрела черты «организующей концепции», позволяющей в хаосе исторических перемен увидеть связь прошлого с настоящим в качестве вектора поступательного движения. Эту функцию должна будет выполнить философия истории.

Таким образом, интерес к европейской философии истории со стороны отечественной философской мысли был ответом на возникшую познавательную ситуацию. Этот факт и предопределил включение в ее структуру концепта «философия истории» и последующее самоопределение философско-исторического знания в качестве самостоятельной сферы философского знания.

Философия истории как знание о духовных основаниях истории

Начало этого времени восходит к философским изысканиям Д.В. Веневитинова, И.В. Киреевского, Н.В. Станкевича, В.Ф. Одоевского, А.С. Хомякова, ориентировавших на выявление внутренней связи философии и положительного знания. «Всякая наука положительная заимствует свою силу из философии», – этот тезис Д.В. Веневитинова можно считать их концептуальной программной установкой. В соответствии с ней был найден новый ракурс исторических исследований: им стал поиск целостности исторического процесса и общих для всех народов его духовно-нравственных оснований. Примечательно в этой связи признание Н.В. Станкевича, писавшего, что для него занятие историей привлекательно «как огромная задача философская». Последняя понималась им как единая задача исторического, социального, психологического, этического познания истории, только в рамках которого и может быть выявлен «скрытый порядок» истории, проявляющийся по-разному, но неизбежно, в каждый новый ее период. Уяснив его, считал Станкевич, можно найти ответы на вопросы о сути и смысле исторического бытия.

Таким образом, философия истории с появления первого интереса к ней была воспринята как универсальный и объясняющий способ описания исторических событий, включающий оценку их с позиций всеобщих духовно-нравственных ценностей и ориентиров человеческого общежития. В этом качестве она утверждала себя как *историософия*, т.е. знание о смысле, начале и конце истории, о судьбе и историческом предназначении человека. Именно этот термин как акцентирующий идею софийности (духовности)

получит в отечественной философской мысли наиболее широкое употребление. И это объяснимо: ведь с самого начала и на протяжении всего последующего развития русская философская мысль тяготела к духовно-нравственным основаниям человеческого бытия. Об этом не раз писали В.В. Зеньковский, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, подчеркивая, что философия истории – это одна из главных тем русской философии, что все самое значительное, созданное русскими мыслителями, было создано именно в этой области, а по известной оценке Зеньковского, вся русская мысль *историкофилософична*.

Усилия, направленные на освоение философского способа осмысления истории, всегда осуществлялись именно в этом ключе. И именно они открывали путь к рассмотрению истории как целостного процесса, а исторического бытия в его конкретных проявлениях, наполненных духовно-нравственными смыслами, – в образе жизни, национальных традициях, институциональных формах власти, нормах внутрисемейных отношений, в культуре. Такой подход достаточно скоро определил предмет отечественной философии истории: 1) исторический процесс в его человеческом измерении и движении «прошлое – настоящее – будущее», 2) жизнь общества в исторически-конкретных формах организации человеческого общежития, 3) способы интерпретации предоставляемого историческим знанием эмпирического материала. Сразу следует отметить, что сформировавшаяся в этом проблемном поле философско-историческая парадигма исключала противопоставление философии истории социальной философии с ее набором проблем – общего блага, социальной справедливости, гражданского равенства, общественного идеала, прогресса, совершенного общества. Поэтому весь XIX в. философия истории и социальная философия мыслились и развивались как, если не тождественные, то «замещающие» друг друга, «неразъемные» области философского знания.

Исходной проблемой, определившей такой вектор развития отечественной философии истории, стала проблема «Россия и Европа», осознаваемая под знаком культурно-исторической миссии России. Амбициозная мифологема религиозного сознания «Москва – третий Рим», сформулированная около 1530 г. старцем псковского Елизарова монастыря Филофеем и закрепленная Московским Освященным Собором с участием константинопольского патриарха, была отодвинута не менее амбициозной

сциентистской идеологемой «XIX век принадлежит России!». Именно так будет сформулирован В.Ф. Одоевским историософский ответ на вызовы Нового времени. Пафос этой идеологемы определит направление всех будущих споров о месте России во всеобщей истории, войдет в ткань национального самосознания, определив вектор поиска ответа на вопрос «Кто мы и куда мы идем?». Мессианская идея богоизбранности русского народа будет вытеснена миссианской идеей о его социально-культурном призвании (1). Ее обоснование будет содержать одну важную и, как покажет история, завораживавшую не одно поколение мысль. Наиболее четко эта мысль была сформулирована В.Ф. Одоевским в его романе «Русские ночи»: «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего, и мы новы и свежи, мы непричастны преступлениям старой Европы» [Одоевский 1975, 182]. Как видим, у идеи об особом призвании России была своя «историческая отсылка»: Россия не испорчена прегрешениями старой Европы (свои собственные – не в счет). Поэтому ее отставание может обернуться ее преимуществом, стать своеобразной стартовой площадкой для рывка на пути социального прогресса, ведь время России только начинается. Эта идея надолго укоренится в отечественном общественном сознании и не только в нем. В этой связи можно вспомнить, что К. Маркс тоже будет говорить о преимуществах отсталых народов в известном письме о России к Вере Засулич. Можно вспомнить и ленинскую идею о «прорыве слабого звена», обосновывавшую возможность победы пролетарской революции в стране (2). Отголоски этой идеи часто можно услышать и в наши дни.

История как саморазвивающаяся система

Как самостоятельная область философского знания отечественная философия истории утверждается в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. Этот ее этап связан с «Лекциями по истории средневековья» и «Публичными чтениями» Т.Н. Грановского, заслуга которого, по оценке Н.И. Кареева, состояла в том, что он первый определил понятие о всеобщей истории как о едином всемирно-историческом целом и тем самым создал *«всемирно-историческую точку зрения»*. В соответствии с этой точкой зрения, история движется от прошлого к настоящему и от него к будущему, сохраняя «наработанный» в ходе этого движения социокультурный материал. В реализации такого подхода к историческому мате-

риалу Грановский придавал особую роль философии истории: не претендуя на законодательство в сфере живой истории, она дает историческому знанию «*направление к всеобщему*», страхуя его от простого «*летописательства*».

В этом контексте Грановский ввел в интерпретацию исторических событий понятие *органической жизни*. «История есть цельный организм жизни, в котором прошлое, настоящее и будущее находятся в постоянном между собой взаимодействии», – убеждал он [Грановский 2010, 447]. Понятие органической жизни, определенное границами гегелевского рационализма, ориентировало, с одной стороны, на осмысление истории народов в связи с антропологическими, географическими, политико-экономическими факторами, а с другой стороны, на признание «*излучистого хода*» исторического процесса, его вариативности и в этой связи на признание особой роли в движении истории «*переходных эпох*», когда вырабатываются новые, в том числе альтернативные существующим, формы жизни. Говоря современным языком, история мыслилась Грановским как *открытая саморазвивающаяся система*: источник движения истории заложен в ее природном основании, будущее *прорастает* из настоящего, которое в свою очередь *впитывает* в себя прошлое. История осуществляется через преодоление себя в качестве заданной жесткой схемы, и потому она постоянно готова к конкретно-историческим вариациям. Все исторические события не имеют законченной формы. В недооценке этого факта Грановский видел главную причину фатализма.

Примечательно, что почти одновременно эта идея нашла реализацию в построениях А.И. Герцена в его признании за историей *импровизационного начала*: *в истории* «все импровизация, все воля, все ех tempore, вперед ни пределов, ни маршрутов нет», – писал Герцен [Герцен 1975а, 252]. История, как и природа, открыта в своем развитии, «она редко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот... которые отпрутятся... кто знает?» [Герцен 1975а, 247] Она ненавидит «фрунт» и потому постоянно «бросается во все стороны», отвергая «правильный марш вперед». Не имея ни программы, ни заданной цели, история готова к бесчисленным вариациям, и потому в ней дремлет бесконечное множество возможностей. Иными словами, история боится «застывшего» состояния – вот главный вывод Герцена. Он не отрицал исторических закономерностей как таковых,

но отвергал идею *предопределенности* исторического процесса, а вместе с ней и претензии знания на выстраивание истории по заранее предписанному ей разумному плану. «С предзаданным планом история сводится на вставку чисел в алгебраическую формулу, а будущее отдано в кабалу до рождения», – настаивал Герцен [Герцен 1975b, 233]. В такой контекст рассуждений он включал и рассмотрение идеи о прогрессе, категорически не принимая последний в качестве цели истории. Единственное толкование прогресса, с которым Герцен соглашался, это определение его как «родового роста человечества», «свойства преемственно продолжающегося существования поколений», «деятельной памяти и физиологического усовершенствования людей общественной жизнью». Прогресс – это *естественное движение* человечества от прошлого к настоящему и от него к будущему, подконтрольное человеку в той мере, в какой он согласует свои действия для обеспечения условий жизни, достойных его как субъекта культуры, с объективными основами этого движения.

Созвучными оказались также идея Грановского о «переходных эпохах» и идея Герцена о хаосе как катализаторах поступательного движения истории и адекватных для нее способах выходить из равновесного, т.е. «замкнутого на себя состояния». Появление «переходных форм» свидетельствует о том, что исторически сложившиеся общественные формы исчерпали себя, прожив свои периоды становления и расцвета. Важно, что с «переходными формами» и с «хаосом» Грановский и Герцен связывали расширение возможностей активного включения человека в исторический процесс. В эти периоды (в точках бифуркации, как сказали бы мы сегодня) история ставит человека в ситуацию социального выбора из предлагаемых ею наиболее предпочтительных направлений дальнейшего развития: выбора, какой исторической дорогой двигаться дальше и какими средствами (политическими, экономическими, культурными) добиваться успеха в решении новых задач. Наделяя человека свободой воли и правом выбора, Грановский и Герцен поставили важный вопрос: осуществляется ли деятельность человека *в согласии* с историческим законом, принимает ли в ситуации выбора человек на себя *ответственность* за вызванные или задержанные трансформации в общественной жизни. Ведь он включается в ход истории как *кормчий*, как *рулевой*. И потому люди «не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории», в какой-то момент они становятся

сотворцами происходящего. Вот тогда история приобретает направленность, которая укладывается в параметры, отвечающие (или не отвечающие) общечеловеческим представлениям о добром и разумном. Этим и определяется мера его ответственности. Мысль об ответственности была важна тем, что включала в онтологические основания исторического процесса духовно-нравственную составляющую, а в контекст философско-исторического знания дуальные понятия – «необходимость и случайность», «свобода и насилие», «революция и эволюция», «греховность и праведность», «добро и зло», «добродетель и порок». Это, в свою очередь, позволяло следовать в истолковании исторических событий одновременно принципам метафизического и конкретно-исторического, позитивистского и аксиологического анализов.

Таким образом, предложенная Грановским и Герценом историкофилософская парадигма открывала путь к интерпретации истории как целостного процесса, единение исторических этапов и национальных форм которого обеспечивается общечеловеческими культурными смыслами исторической жизни. Эта парадигма утвердится надолго, вплоть до нового раскола российского общества, который будет вызван октябрем 1917 г. В зависимости от исходных теоретических посылок она найдет особое отражение в философско-исторической рефлексии либералов и консерваторов (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин), в сциентистской теории о миссии России как особого культурно-исторического типа (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев), в модели российской истории «по формуле прогресса» (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), в религиозно-философской идее всеединства (Вл.С. Соловьев, Н.С. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк), в исследованиях самих историков (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), а иногда будет присутствовать одновременно во всех этих теоретических вариациях. Каждое из направлений будет предлагать свою модель исторического процесса, но все они будут развиваться под знаком поиска общих оснований мировой истории и уже на этой основе – ответа на вопрос о месте России в ней.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия философия истории после длительного «небытия» снова утверждается в прежнем, обозначенном выше, познавательном и дисциплинарном статусе, актуализируется интерес к рассмотренным проблемам, и этот интерес сохраняется до сегодняшних дней [Кара-Мурза, Шарова, Яковлева (ред.) 2016; Межуев 2014; Сиземская 2013;

Розин 2007; Новикова, Сиземская 2006; Феллер 2005]. Для нашего рассмотрения темы этот факт интересен тем, что подтверждает законосообразность ситуации: если общество оказывается перед угрозой социально-культурного раскола (период «перестройки» поставил российское общество перед реальностью такой угрозы), а социально-философское знание сталкивается с рядом трудноразрешимых проблем в прежней теоретической парадигме (свидетельства такой ситуации обозначились в исчерпанности познавательных возможностей формационного подхода для объяснения исторического процесса), социальное знание обращается к философии истории.

Выводы

Предпринятое нами рассмотрение процесса становления и развития отечественной философии истории в предложенном методологическом ключе, а именно – в соотнесенности социально-общественных и теоретико-познавательных факторов, определявших векторы этого процесса, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, главным направлением развития отечественной философии истории, начиная со второй половины XIX в. и до наших дней, является утверждение ее в статусе особого вида философского знания, имеющего свой предмет. В него, как правило, входили и входят исторический процесс, общественное бытие людей в его исторически-конкретных проявлениях, историческое знание и используемые им формы и способы интерпретации истории.

Во-вторых, проблематика философии истории по мере ее развития все более сближала ее, с одной стороны, с социальной философией, с другой стороны, с видением исторической реальности как данности, которая несет в себе духовные смыслы и ценности человеческого бытия, т.е. с *историософией*. Всякий раз это сближение выражало тренды философского и исторического знания, формирующиеся в ответ на вызовы времени.

В-третьих, точками роста философско-исторического знания были идеи о связи прошлого, настоящего и будущего как непреходящей социокультурной закономерности исторического процесса, о преемственности поколений как онтологическом основании эволюционного движения общества по восходящему цивилизационному вектору, о месте национальных и общечеловеческих

духовно-нравственных ценностей в исторической жизни людей, о вариативности исторического процесса и повышении субъектной роли человека в условиях социальных рисков и ситуации хаоса.

В-четвертых, философия истории, не претендуя на роль законодателя в области философского знания, давала последнему направление к «всеобщему», страхуя его от простого «летописательства». Определенное место в этом процессе занимала проблема «Россия – Европа», часто интерпретированная в мессианском смысле, и это оказало влияние на систему философско-исторических представлений об отечественной истории и на формирование исторического опыта России.

Сегодня обращение к философии истории, к исторически складывавшейся в ее познавательных границах проблематике, ориентирует на интерпретацию российской истории в целом и отдельных исторических событий в модусе их историософского осмысления, что открывает современному знанию путь к адекватному решению актуальных проблем современного российского общества и его отношений с мировым сообществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Мессианское самосознание будет впоследствии потеснено «позитивно-национальным», но последнее, как показала история, может перерасти в националистические самодовольство и ограниченность. Нужно, правда, признать и другое: в контексте идеи о культурном призвании России употреблялось слово «национальность», являющееся индикатором зрелости национального самосознания. И этот факт следует отнести к позитивному потенциалу выдвинутой идеи.

(2) Обратной стороной идеи «свежего народа» и осознания под ее знаком культурно-исторической миссии России станет укоренение мысли о жертвенном предназначении русского народа. Эта мысль так прочно войдет в национальное самосознание, что будет находить отклик в разных исторических ситуациях, переживаемых страной. Так, в советский период она найдет выражение в готовности советского народа положить свои интересы на алтарь общего пролетарского дела.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 2006 – *Ахиезер А.С.* Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // *Ахиезер А.С.* Труды. – М.: Новый хронограф, 2006.

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской

культуре. Очерки русского послеоктябрьского зарубежья / отв. ред. Е.М. Чехарин. – М.: Наука, 1990. С. 43–272.

Герцен 1975а – *Герцен А.И.* С того берега // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 8 т. Т. 3. – М.: Правда, 1975.

Герцен 1975b – *Герцен А.И.* Былое и думы. Гл. IX «Роберт Оуэн» // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 8 т. Т. 7. – М.: Правда, 1975.

Грановский 2010 – *Грановский Т.Н.* О современном состоянии и значении всеобщей истории // *Грановский Т.Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма. – М.: РОССПЭН, 2010.

Кара-Мурза, Шарова, Яковлева (ред.) 2016 – Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2016.

Межуев 2014 – *Межуев В.М.* История как философская проблема // Проблемы философии культуры. Вып. 2 / отв. ред. С.А. Никольский. – М.: ИФРАН, 2014.

Неретина 2018 – *Неретина С.С.* История: архаисты и новаторы. – М.: Голос, 2018.

Новикова, Сиземская 2006 – *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Очерк русской философии истории // Русская историософия. Антология / под ред. Л.И. Новиковой, И.Н. Сиземской. – М.: РОССПЭН, 2006.

Одоевский 1975 – *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. – Л.: Наука, 1975.

Розин 2007 – *Розин В.М.* Новая концепция истории. История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука. – М.: Ленанд, 2007.

Сиземская 2013 – *Сиземская И.Н.* «Москва – третий Рим»: у истоков русской философии истории // Философия и культура. 2013. № 1.

Феллер 2005 – *Феллер В.В.* Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. – М.: Изд-во КноРус, 2005.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (2006) On the Peculiarities of Modern Philosophizing. A Look from Russia. In: Akhiezer A.S. *Works* (pp. 333–480). Moscow: Novy Khronograf (in Russian).

Berdyayev N.A. (1990) Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the 19th and early 20th century. In: Chekharin E.M. (ed.) *About Russia and Russian Philosophical Culture. Sketches of Russian Post-October Expatriates* (pp. 43–272). Moscow: Nauka (in Russian).

Feller V. (2005) *Introduction to Historical Anthropology. Experience in Solving the Logical Problem of the Philosophy of History*. Moscow: Kno-Rus (in Russian).

Herzen A.I. (1975) My Past and Thoughts. In: Herzen A.I. *Collected Works. In 8 volumes* (Vol. 7). Moscow: Pravda (in Russian).

Herzen A.I. (1975) From the Other Shore. In: Herzen A.I. *Collected Works. In 8 Volumes* (Vol. 3, pp. 223–357). Moscow: Pravda (in Russian).

Kara-Murza A.A., Sharova V.L., Yakovleva A.F., eds. (2018) *Nikolay Karamzin and Russia's Historical Fates. On the 250th Anniversary of the Birth*. Moscow: Akvilon (in Russian).

Mezhuev V.M. (2014) History as a Philosophical Problem. In: Nikolsky S.A. (ed.) *Problems of Philosophy of Culture* (Issue 2, pp. 3–28). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Neretina S.S. (2018) *History: Archaists and Innovators*. Moscow: Golos (in Russian).

Novikova L.I., Sizemskaya I.N. (2006) Essay on Russian Philosophy of History. In: Novikova L.I., Sizemskaya I.N. (eds.) *Russian Historiosophy. Anthology* (pp. 5–111). Moscow: ROSSPEN = Russian Political Encyclopedia (in Russian).

Odoyevskiy V.F. (1975) *Russian Nights*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Rozin V.M. (2017) *New Concept of History. History as a Way of Life of a Person, Social Discourse and Science*. Moscow: Lenand (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2013) “Moscow as the third Rome”: at the Origins of Russian Philosophy of History. *Philosophy and Culture*. 2013. No. 1, pp. 60–69 (in Russian).